

- Козенкова В. И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. М.: Наука (САИ. В2-5).
- Козенкова В. И.* 1978. О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА 3, 154–166.
- Маммаев М. М.* 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Мифы народов мира.* 1987. Т. II. М.: Советская энциклопедия.
- Сефербеков Р. И.* 2009. Пантеон языческих божеств народов Дагестана. Махачкала: Динем.
- Уварова П. С.* 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Типография Общества распространения полезных книг.

Райнхольд С.*

В кавказской археологии исследования такого рода, как обсуждаемая статья Б. Тержан, все еще являются редким исключением. В основном обсуждаются вопросы хронологии, хотя развивается и методика проведения сравнительного анализа и перекрестных датировок. Вместе с этим все больше внимания уделяется пониманию социальных аспектов культуры, что выводит на погребальный инвентарь, на основе которого делаются хронологические построения.

Тли является одним из немногих могильников, относительная последовательность погребений которого и абсолютная датировка вызывают у специалистов лишь незначительные расхождения (Техов 1977; Kossack 1983; Motzenbäcker 1996; Козенкова 1996; Reinhold 2007; см. однако Apakidze 2009). Поэтому вполне ожидаемо, что изучаются другие аспекты, такие как социальная и половозрастная дифференциация погребенных.

Представленные Бибой Тержан таблицы хорошо показывают четкие различия между инвентарем мужских и женских погребений. Одновременно они, однако, демонстрируют многообразие, прежде всего, женского костюма. Это также прослеживается по опубликованным в 2002 г. остальным погребениям могильника Тли (Техов 2002), которые могли бы подтвердить выдвинутую Б. Тержан аргументацию, дополнив ее данными по еще ряду погребений с деталями женского костюма и фигурками барана.

По сравнению с другими региональными группами кобанско-колхидской культуры, костюм в центральном высокогорном массиве памятников, и не только в Тли, состоял из множества различных деталей и всего нескольких общих элементов: ножные браслеты, бронзовые пояса, ромбические бляшки-нашивки, ожерелья из бус (Reinhold 2007: 180–181). Тли — одно из немногих местонахождений в пределах кобанско-колхидской культуры, где, по всей вероятности, в погребальном инвентаре также отражено личное или семейное богатство, а не только место умершего в иерархической лестнице социальной системы

* Перевод с немецкого М. Т. Кашубы.

общества. Он близок, скорее, как к погребальным обычаям памятников к югу от Мцхета, относящихся к другой культурной области (Reinhold 2005б: 228–247, 2007: 181 сл.), так и некоторых северных соседей. Уже в Кобани, например, костюмы выглядят более обычными — но также богатыми. Поэтому теряет силу аргумент, что наличие фигурок в погребениях индивидуумов с «полным» женским костюмом означает нечто существенное. Это очень богатые захоронения, которые, тем не менее, не обязательно должны считаться погребениями индивидуумов высокого социального положения. Рисунок 6 в статье Б. Тержан также показывает, что лишь в небольшом количестве захоронений с богатым инвентарем присутствовали фигурки. К сожалению, план могильника Тли не опубликован, поэтому остаются неясными планиграфия и пространственное соотношение обсуждаемых погребений. Хронологически они попадают в ранние группы — Тли В или Кобань В.

Важными и справедливыми являются суждения о том, не стоит ли происхождение греческих представлений об этой сказочной, богатой золотом Колхиде искать именно в высокогорных областях с их могильниками, богатыми бронзовыми изделиями. Процветание этого региона началось в период средней бронзы (Motzenbäcker 1996) и продолжилось, как это можно увидеть на примере местонахождений Тли, Кобани или Стырфаза, в поздний бронзовый и ранний железный века. Огромное богатство шло вместе с контролем над металлом из рудоносной зоны высокогорья. Высокогорные районы и западно-грузинская низменная область (античная Колхида) были очень тесно связаны друг с другом типологией многих артефактов. С XII/XI вв. до н. э. здесь развиваются идентичные формы, отличающиеся чаще всего только стилями декора (см.: Скаков 1997: 70–87; и др.). Типологическое первенство принадлежало горным районам (см.: Козенкова 1996), а не побережью, как это постулировал Дж. Апакидзе, омолаживая датировку могильника Тли (Apakidze 2009). Это имеет значение в отношении того, что «основные формы» кобанско-колхидской культуры были созданы не в прибрежной зоне, а в высокогорных районах.

Такая же закономерность отчетливо прослеживается в происхождении засвидетельствованных фигурок барана. Их предшественники — это приземистые, продолговатые изображения, такие как в Тли, но происходящие еще из относящихся к среднему бронзовому веку захоронений в Дигории, а также в Сванетии и Рача (Reinhold 2007: 153, Abb. 139; 150: *TanA1/2*; Motzenbäcker 1996: 114, Abb. 55: 1–3; Чартолани 1989: табл. XXX: 6; Pancchava et al. 2001: Taf. III: 39–41). Имеется еще одно новое местонахождение — Гудаури (о происхождении фигурок барана см.: Васильева 2004: 6–26; и др.). Распространение фигурок среднебронзового века в общих чертах совпадает с картированной Б. Тержан зоной. Каковы были реальные корни этой иконографии, и могла ли конкретная локализация такой традиции оказать на греков влияние, под впечатлением чего возник миф об аргонавтах, — едва ли можно выяснить таким способом. Однако бросается в глаза, что в чрезвычайно богатом мире мелкой пластики Западной Грузии, кроме хищников, людей и лошадей с всадницами или без них, не представлены никакие другие виды животных (Paparashvili 1998: 45–55)¹.

¹ Любопытно, что в настоящее время в Западной Грузии (также?) не содержат овец, так как они не переносят теплый и влажный субтропический климат.

В этой связи рассмотрим интерпретацию фигурок, в частности, изображения барана. Известна связь Золотого руна, являющегося главным трофеем аргонатов, с обычаем промывки золота в реках Западной Грузии при помощи овечьих шкур. Б. Тержан, тем не менее, в своей интерпретации связывает богатые женские погребения из Тли с более широкой мифологической традицией: «Сочетание фигурок барана, бронзового сосуда и лопаточки-шпателя (см. выше) ассоциируется с владеющей волшебством омоложения Медеей, о чем также напоминают захоронения с бронзовым сосудом и часто сложными в него человеческими костями, оружием и элементами костюма...» (см. текст Б. Тержан). Такая интерпретация связана с представлением, что в погребальном инвентаре отражается реальное положение и деятельность умершего, что не может не вызывать сомнений, поскольку здесь речь может идти о сложных вместе предыдущих, более древних захоронениях.

Б. Тержан связывает кавказские традиции с греческими представлениями, сюжетными линиями и изобразительными мотивами. В этой связи возникает вопрос: действительно ли помогает греческий миф в интерпретации кавказского материала, или имеет ли кавказская археология свое продолжение в греческом мифологическом повествовании? Кавказская эпическая поэзия (особенно нартский эпос) полна главных героинь-женщин, таких как Шатана (Сатана) — нартская главная героиня (Абаев 1945; Sikojev 2005). «Она одновременно представляет собой образ красоты, вечной молодости, страсти и похоти, преданности и предательства. Она является воплощением глубокой мудрости и ума, хотя также — волшебница и пророчица. Она часто в одном и том же мифе жертва, обычно насилия или соблазнения, и в то же самое время манипулятор и виктимизатор. В ее образе был собран воедино весь спектр особенностей и черт, ассоциирующихся в кавказской традиции с ролью женщины» (Colarusso 1989: 3–11). Дж. Коларуссо проводит параллели между Шатаной и передневносточной богиней Иштар (Astarte, Ashtaroth), но одновременно и греческой Афродитой — здесь допускаются обе интерпретации. Он также обращает внимание на западно-кавказский цикл «Шатана и магическое яблоко», в котором речь идет о поисках и добыче золотого и белого яблока, вкусивший которого обретает молодость и бессмертие. Золотые яблоки — гранаты, древневосточный символ плодородия — играют в различных циклах осетинской версии аналогичную роль (например, Sikojev 2005: 15–16). Однако животные и, особенно, похоже, баран не принадлежат к окружению Шатаны. Ее жертвоприношения растительного происхождения (она приносит их на священный холм Уаскупп).

Однако животные и, главным образом, олени представлены в эпосе. М. Хидашели (Chidašeli 1988: 29–32) связывает эти образы с возможными мифологическими сюжетами на кавказских фигурно украшенных металлических поясах и интерпретирует их с точки зрения восточного мотива «Хозяйки животных». Интересно, что эти сцены полны дикими животными (оленьями, ланями, рыбами, змеями), также как и домашними (собаками, лошадьми), но среди них нет овец или баранов. Также и «святая охота», кажется, не связана с этим образом. Итак, все-таки Медея и баран в сравнении с мужчинами-охотниками (Урызмаг, Сослан, Амран/Амирани или Варз/Барз/Бадз) и дикими животными?

Проблема интерпретации символических представлений доисторических культур не позволяет, согласно моему мнению, найти должные доказательства присутствия черт греческого персонажа Медеи непосредственно в кавказских захоронениях — ни в высокогорном массиве, где символизм барана явно связан с женщинами, ни на западно-грузинском побережье, где по традиционным представлениям разворачивался миф об аргонавтах. Во всяком случае, в образе Шатаны по-настоящему гениально воплощена кавказская женская мифическая фигура, чья независимость, ум и в то же время безжалостность хорошо вписываются в образ Медеи. Не пытаюсь провести какое-либо сравнение, все же стоит отметить, что у женщин в доисторических и исторических обществах Кавказа была и имеется очень сильная и независимая позиция (также см.: Shami 1999: 306–331). Значение женщин в кавказских обществах раннего железного века можно проследить и на материалах других памятников, которые свидетельствуют, что в предгорных и высокогорных общинах они играли центральную роль, объединяя и связывая их идеологически и, возможно, узами родства (Reinhold 2005a: 95–125).

Литература

- Абаев В. И. 1945. Нартовский эпос. Дзауджикау: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
- Васильева Е. Е. 2004. Основа классификации бронзовых подвесок в виде бараньих головок эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северного Кавказа // Тихонов И. Л. (ред.). Альманах молодых археологов. Сборник студенческого археологического общества. СПб.: Дмитрий Буланин, 6–26.
- Козенкова В. И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН; Ленон-ЛТД.
- Скаков А. Ю. 1997. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Демиденко С. В., Журавлев Д. В. (ред.), Древности Евразии. М.: ГИМ; МГУ, 70–87.
- Техов Б. В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X до н. э. М.: Наука.
- Техов Б. В. 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Чартолани Ш. Г. 1989. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба.
- Apakidze J. 2009. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600–700 v. Chr. 1–2. Rahden./Westf.: Marie Leidorf GmbH.
- Chidašeli M. 1988. Die Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Georgien // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 8 (1986). München: C. H. Beck, 7–72.
- Colarusso J. 1989. The Woman of the myths: the Satanaya cycle // The Annual of the Society for the Study of Caucasia 2, 3–11.
- Kossack G. 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // BAVA 5, 89–186.
- Motzenbäcker I. 1996. Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin.
- Papuašvili R. 1998. Zur vergleichenden Chronologie der spätbronze-früheisenzeitlichen kolchischen Gräberfeldern // Dzebani 1, 45–55 (на груз. яз., резюме на нем. яз.).

- Pancchava L., Maisuradze V., Gobedišvili G.* 2001. Towards dating burial № 12 excavated at Brili necropolis in 1939 // *Dziebani* 8, 2001, 39–48 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).
- Reinhold S.* 2005a. Frauenkultur — Männerkultur? Zur Möglichkeit geschlechtsspezifischer Kommunikationsräume in der älteren Eisenzeit Kaukasiens // Koch J., Fries J. (Hrsg.). *Ausgegraben zwischen Materialclustern und Zeitscheiben. Perspektiven zur archäologischen Geschlechterforschung.* Münster: Waxmann-Verlag, 95–125.
- Reinhold S.* 2005b. Warriors of the Caucasian Late Bronze and Early Iron Ages // Гуляев В. И. (ред.). *Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья.* Москва: ИА РАН, 228–247.
- Reinhold S.* 2007. *Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.
- Sikojev A.* 2005. *Kinder der Sonne 2005. Kinder der Sonne. Die Narten — das große Epos des Kaukasus.* Kreuzlingen; München: Hugendubel.
- Shami S.* 1999. Engendering social memory. Domestic rituals, resistance and identity in the North Caucasus // Acar F., Günes-Ayata A. (Hrsg.). *Gender and Identity Construction. Women of Central Asia, the Caucasus and Turkey.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 306–331.

Сулава Н. О.

С интересными и многочисленными работами Б. Тержан, которые хронологически охватывают эпоху поздней бронзы и ранний железный век, а географически — довольно большой ареал от Балкан до Кавказа, я знакома уже давно. А со статьей с «интригующим» и многообещающим названием «Das Land der Medeia?» я ознакомилась еще в 1995 г. На основе этой статьи и представлена данная публикация, комментарии к которой мне любезно предложили сделать для *Российского археологического ежегодника*. Хотя комментарии кажутся мне несколько запоздалыми, несмотря на новую переработку статьи, и не такими уже и важными, исходя из поставленной в данной статье «проблематики». Но я согласилась представить комментарии хотя бы для того, чтобы ознакомить автора данной статьи (и не только его) с новой литературой и незнакомым, как мне представляется, ей мнением, существующим в научной литературе и которое желательно бы учитывать. Этим, надеюсь, я окажу услугу и ей, и заинтересованным этими вопросами коллегам, а также еще раз подчеркну существование иного мнения и подхода¹.

¹ Естественно, комментировать данную статью, не касаясь тех мнений, которые существуют вокруг таких важных вопросов, как типология, хронология, генезис, ареал **колхидско-кобанской бронзы** невозможно, как и объять все проблемные вопросы. Так, термин **колхидско-кобанская бронза**, не без основания, ввел в научный оборот Б. А. Куфтин, но оказалось, что А. Ю. Скаковым он комментируется как «**некая** колхидско-кобанская бронза» (Скаков 2010: 9).